

БЕЖАТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАТЬСЯ

18+

Таисия Левина

Бежать нельзя остаться

<https://litres.ru/74159847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она сбежала от золотой клетки. Но не сбежала от себя.

Нелли Максимова — дочь влиятельного чиновника и совладелица успешного бизнеса. Когда отец выбирает ей мужа без её согласия, Нелли инсценирует собственную смерть и исчезает.

Теперь она Виолетта Романова, учительница физики в провинциальной школе. Новое имя, новая жизнь. Никто не знает, кто она на самом деле. Никто не догадывается, что внутри неё уже проснулся кто-то ещё.

Когда в городе начинают пропадать мужчины, Виолетта не придаёт значения — у неё свои проблемы. Провалы в памяти. Голос внутри. Ощущение, что кто-то управляет её телом, пока она спит. Единственный, кто замечает странности — Марк Соболев, одиннадцатиклассник, который сначала ненавидит новую учительницу, а потом начинает видеть в ней кого-то большего.

Но чем ближе Виолетта к разгадке, тем страшнее правда. Убийца — не маньяк из новостей. Убийца живёт внутри неё. И у него есть имя.

Психологический триллер о раздвоении личности, запретной любви и цене свободы.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Таисия Левина

Бежать нельзя остаться

Глава 1

Столовая пахла разваренной гречкой и подгоревшим маслом. Запах был старый, въевшийся в штукатурку, в занавески, в форменную одежду — такой не выветривается десятилетиями. Виолетта Викторовна сидела за учительским столом у окна и смотрела в тарелку. Котлета. Картофельное пюре. Компот из сухофруктов в гранёном стакане.

Она отрезала кусок котлеты. Пожевала. Проглотила. Запила компотом.

За соседним столом учительница биологии — грузная женщина с одышкой, чью фамилию Виолетта никак не могла запомнить — рассказывала завучу про сына. Тот собирался поступать в медицинский, и это был, судя по интонации, вопрос жизни и смерти. Завуч кивала с выражением лица человека, который слышит эту историю в пятый раз за месяц. Две старшеклассницы у раздачи о чём-то шептались, косясь на стол, за которым сидел Марк Соболев. Виолетта маши-

нально проследила их взгляд. Марк читал книгу. Не учебник. Что-то в мягкой обложке. Со своего места она не могла разглядеть название.

«Он всегда один», — подумала она.

Мысль была нейтральной, почти праздной. Виолетта не испытывала к этому мальчику ни симпатии, ни антипатии. Он просто сидел там, на своём обычном месте, и читал. Ей это было знакомо. Она тоже когда-то сидела в школьной столовой с книгой. Только не в российской школе, а в частной школе при посольстве в Сеуле. И на ней тогда были спортивные штаны под юбкой — старая корейская привычка, от которой она отказалась много лет назад.

Теперь на ней была юбка-карандаш. Белая блузка. Шпильки. И никому в этой школе не приходило в голову, что новая учительница физики носит вещи, которые стоят больше, чем директорская зарплата за полгода. Люди видят то, что ожидают увидеть. Женщина на шпильках — значит, учительница. Значит, имеет право.

Она доела котлету и оставила пюре почти нетронутым.

Утро началось в шесть. Виолетта встала, приняла душ, высушила волосы и уложила их крупными волнами — этот ритуал остался с ней с московских времён, и она не собиралась от него отказываться. Макияж: ровный тон, тушь, тёмная помада. В прежней жизни она красила губы красным. Теперь — оттенок «бордо», на тон глуше. Достаточно ярко, чтобы

выглядеть дорого. Достаточно сдержанно, чтобы не выглядеть вызывающе.

Квартира, которую она сняла, была небольшой. Комната, кухня, ванная — всё, что нужно одному человеку, которому нечего прятать и не с кем делить пространство. Но ремонт был свежий: стены недавно перекрашены, пол — ламинат, на окнах — нормальные стеклопакеты, не советские рамы с облупившейся краской. Она заплатила за три месяца вперёд. Деньги были не проблемой — покидая Москву, Нелли забрала всё, до чего смогла дотянуться: наличные из домашнего сейфа, средства с личного счёта, несколько банковских карт, о существовании которых родители не знали. Она не грабила семью. Она взяла своё. То, что заработала сама за годы бизнеса с братом. Этого хватило бы на год скромной жизни или на полгода — такой, к которой она привыкла. Она выбрала что-то среднее.

Машина, на которой она приехала в город, стояла в съёмном гараже на окраине. Не «Феррари» — «Феррари» осталась на дне оврага вместе с её прошлой жизнью и кадрами видеонаблюдения, которые, как она надеялась, убедили родителей в её смерти. Теперь у неё была «Мазда» — спортивная модель, подержанная, но в отличном состоянии. Такая машина не вызвала вопросов. Учительница может позволить себе «Мазду». Особенно если она из обеспеченной семьи. Особенно если она только что вернулась из-за границы.

Школа номер четыре стояла на холме. Сталинская постройка, высокие окна, облупившаяся штукатурка. У входа курили старшекласники. Увидели Виолетту — спрятали сигареты за спину. Она даже не посмотрела в их сторону.

В учительской было тихо. Коллеги пили чай, проверяли тетради, обсуждали расписание. Когда она вошла, разговор на секунду стих — так, бывало, всегда. Она была здесь новой. Чужой. Слишком хорошо одетой. Слишком спокойной. С этим ничего нельзя было поделать, и она не пыталась.

— Романова, — окликнула завуч, — у вас сегодня одиннадцатый «А» вторым уроком. После физкультуры. Будут шумные.

— Я справлюсь, — сказала Виолетта.

Завуч кивнула и отвернулась.

Одиннадцатый «А» действительно был шумным.

Они ввалились в кабинет физики, покрасневшие после спортзала, пахнущие потом и дешёвым дезодорантом. Расселись по партам с тем особым грохотом, на который способны только старшекласники, уверенные, что школа — это место, где они отбывают повинность.

Виолетта стояла у доски и ждала. Она не делала замечаний. Не призывала к тишине. Просто ждала.

Через минуту они успокоились сами. Тишина — особенно тишина учителя, который не повышает голос, — действует на подростков отрезвляюще.

Когда гул стих, она оглядела класс. Двадцать семь человек. На первой парте — отличник в очках, который уже открыл тетрадь и приготовил ручку. На второй — две девочки, которые синхронно поправляли волосы и перешёптывались. На задней — Марк Соболев. Он смотрел в окно.

Виолетта не стала вставать за кафедру. Вместо этого она прошла перед доской, остановилась у учительского стола — и села на него, закинув ногу на ногу. Юбка-карандаш. Шпильки. Двадцать семь пар глаз уставились на неё с разной степенью удивления. Учителя так не делали.

— Меня зовут Романова Виолетта Викторовна, — сказала она. Голос был спокойный, негромкий, но в тишине класса он прозвучал отчётливо. — Я ваш новый учитель физики. И давайте сразу договоримся о честности.

Она обвела взглядом класс.

— Я здесь не потому, что мечтала преподавать физику в школе номер четыре. Я здесь, потому что так сложились обстоятельства. Вам, я полагаю, тоже не особо хочется здесь находиться. Мы в одной лодке.

По рядам пробежал смешок. Кто-то из мальчишек хмыкнул одобрительно. Девочки на второй парте перестали шептаться и уставились на неё с любопытством.

— Я буду объяснять темы, — продолжила Виолетта. — Честно и качественно. Если у вас будут вопросы — я отвечу. Если вы захотите разобраться в предмете — я помогу. Но если вы решите, что физика вам не нужна, — мешать не ста-

ну. Это ваш выбор. Ваш одиннадцатый класс. Ваша жизнь после школы. Мне, по большому счёту, всё равно.

Теперь смешков не было. Класс молчал. Она чувствовала, как воздух в комнате стал плотнее.

— Оценки, — сказала она, — я буду ставить не за знания.

Пауза.

— Оценки я буду ставить по симпатии. Нравитесь вы мне — будете получать «отлично» и «хорошо». Не нравитесь — пеняйте на себя.

Кто-то ахнул. Отличник на первой парте замер с ручкой в руке. Одна из девочек прыснула в ладонь.

— Это несправедливо, — сказал кто-то с середины класса.

Виолетта повернула голову на голос. Невысокий парень со светлыми волосами смотрел на неё почти возмущённо.

— Разумеется, несправедливо, — согласилась она. — Жизнь вообще несправедлива. Когда вы пойдёте работать, ваш начальник будет повышать вас не потому, что вы самый умный, а потому, что вы ему нравитесь. Ваш банк одобрит кредит не самому честному, а самому симпатичному. Это реальность. Я просто знакомлю вас с ней заранее.

Она слезла со стола, взяла мел и написала на доске тему урока. «Электромагнитная индукция. Закон Фарадея».

— А теперь откройте тетради. У кого нет тетради — открывайте что есть. Будем учиться.

Она вела урок ровно, сухо, по делу. Никаких шуток. Никаких попыток понравиться. Просто формулы, просто объяснения, просто вопросы к классу — короткие, без обращения по именам. Она ещё не запомнила всех по именам и не скрывала этого.

Марк Соболев с задней парты не сказал ни слова за весь урок. Он не записывал. Не задавал вопросов. Просто сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на неё — прямо, не отводя глаз. Это не было похоже на подростковую влюблённость. Скорее на оценку. Он разглядывал её так, как разглядывают уравнение, в котором что-то не сходится.

Виолетта заметила это. Но не подала виду.

За пять минут до звонка она закончила объяснение и оглядела класс.

— Вопросы?

Молчание.

— Тогда запишите домашнее задание: параграф двенадцать, задачи три и пять в конце. К следующему уроку.

Прозвенел звонок. Класс зашевелился, зашумел, начал собирать вещи. Виолетта отошла к окну и смотрела, как ученики выходят в коридор.

Марк задержался. Он стоял у своей парты, закинув рюкзак на плечо, и смотрел на неё.

— Что-то хотели спросить? — спросила Виолетта.

— Нет, — сказал он. — Просто думаю.

— О чём?

— О том, что вы врѐте.

Она приподняла бровь.

— Про оценки, — пояснил он. — Вы не будете ставить их по симпатии. Вы сказали это, чтобы нас задеть. Или чтобы мы не просили поблажек.

— Вы очень проницательны, Марк.

— Я просто слушаю, — сказал он. — Люди обычно говорят больше, чем хотят сказать.

Он вышел. Виолетта осталась одна в пустом классе.

Она стояла у окна и смотрела на школьный двор. Ученики разбегались по домам. Дождь кончился, но небо оставалось серым, низким, сентябрьским. Она думала о том, что Марк Соболев опасен — не потому, что может что-то узнать, а потому, что уже что-то понял.

И тогда она услышала смех.

Тихий. Внутренний. Почти нежный.

Она медленно повернула голову. В зеркале в конце класса — том самом, в тяжёлой деревянной раме, с трещиной в левом верхнем углу — стояла женщина. В такой же белой блузке. С такими же волосами. Но она не повторяла движений Виолетты.

Она смотрела прямо на неё.

И улыбалась.

Виолетта замерла. Мел выпал из пальцев, ударился о пол, раскололся на две половинки. Женщина в зеркале склонила голову набок — и улыбнулась шире.

Виолетта моргнула. Отражение моргнуло на долю секунды позже.

В классе было тихо. Только дождь снова начал накрапывать за окном. Она стояла и смотрела в зеркало. Женщина в зеркале смотрела на неё.

Они смотрели друг на друга. И никто не говорил ни слова.

Вечером Виолетта сидела на подоконнике в своей квартире и пила чай. Листовой улун, купленный ещё в Москве. Герань на подоконнике засохла, но она всё равно не могла заставить себя её выбросить.

Женщина в зеркале ей привиделась. Так она сказала себе. Переутомление. Стресс. Последствия удара головой — она навела справки в интернете, галлюцинации после сотрясения возможны. Это объяснение было удобным. Она держалась за него обеими руками.

Где-то далеко, на другом конце города, в съёмном гараже стояла спортивная «Мазда» с московскими номерами. Виолетта подумала, что надо бы перерегистрировать машину. Или не надо — лишние документы, лишние вопросы. Она решила подумать об этом завтра.

Перед сном она подошла к зеркалу в ванной. Посмотрела на своё отражение. Уставшая женщина. Тёмные круги под глазами. Волосы, потерявшие укладку.

Отражение смотрело на неё. И ничего не говорило.

Она выключила свет и легла в постель. За стеной сосе-

ди смотрели телевизор — приглушённый гул, неразборчивые голоса. Капал дождь. Было тихо. Почти мирно.

И только засыпая, она услышала — или ей показалось? — как кто-то внутри неё вздохнул. Медленно. Глубоко. Как человек, который долго спал и наконец проснулся.

Глава 2

Город искал маньяка.

Об этом говорили везде: в очередях, в маршрутках, на родительских собраниях. Местная газета, выходящая раз в неделю на серой бумаге, напечатала на первой полосе заголовков «Второй за месяц» — крупно, жирно, с восклицательным знаком. В супермаркете кассирша рассказывала каждой покупательнице, что её муж работает в такси и теперь берёт только дневные заказы. В школе учителя понижали голос, обсуждая подробности, и замолкали, когда в комнату входил кто-то из учеников.

Виолетта не участвовала в этих разговорах.

Не потому, что ей было страшно. И не потому, что она считала себя выше провинциальных сплетен. Просто тема казалась ей далёкой. Чужой. Как новости из другого города. Она слышала слово «маньяк» — и оно пролетало мимо, не задевая. У неё были свои проблемы. Она ещё не знала, насколько эти проблемы близки к тому, о чём говорил весь город.

Курить Виолетта начала в конце сентября.

Нелли Максимова никогда не курила. В её мире курили только мужчины определённого круга — сигары, коньяк, кабинеты с дубовыми панелями. Женщины её семьи не позволяли себе такой вульгарности. Но Нелли Максимовой больше не было. Была Виолетта. И Виолетта курила.

Место она выбрала сразу: за школьными гаражами. Старые гаражи стояли на задворках школьного двора, полузаброшенные, с ржавыми воротами и запахом бензина. Там, между стеной гаража и бетонным забором, было узкое пространство — невидимое из окон, недоступное случайному взгляду. Идеальное место для того, чтобы спрятаться на десять минут.

Проблема была в том, что это место уже заняли.

Когда она пришла туда в первый раз, между гаражами стояли трое старшеклассников. Две девушки и парень. Одна из девушек держала сигарету, неумело зажатую между большим и указательным пальцами, и пыталась выпустить дым через нос. Получалось плохо. Парень смеялся.

Виолетта появилась из-за угла бесшумно — сказывалась привычка ходить на шпильках, которая учит ступать мягко, перенося вес с носка на пятку. Девушка с сигаретой заметила её первой. Её лицо вытянулось.

— Валите, — коротко сказала Виолетта.

Их как ветром сдуло. Парень на бегу оглянулся — то ли

чтобы запомнить лицо, то ли чтобы убедиться, что за ними не идут. Виолетта проводила их взглядом без всякого выражения и встала на их место.

С тех пор это стало её точкой.

Она приходила сюда на больших переменах и после уроков. Прислонялась спиной к холодной кирпичной стене, доставала пачку — дешёвый «Парламент», купленный в супермаркете у дома, — и закуривала. Дым поднимался к серому октябрьскому небу. Она смотрела на него и ни о чём не думала.

Однажды завуч застала её. Виолетта как раз тушила окурок о кирпич.

— Виолетта Викторовна? — завуч остановилась, сощурилась. — Это что вы делаете?

— Дышу, — ответила Виолетта.

Завуч открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом посмотрела в глаза Виолетте и закрыла. Ничего не сказала. Просто кивнула и ушла.

С того дня коллеги шептались о ней чаще обычного. Но Виолетте было всё равно.

В учительской в тот день говорили только об одном.

— Два трупа за месяц, вы представляете? — учительница биологии прижимала руку к груди. — И полиция ничего не может сделать. Говорят, его даже не видели. Никто не знает, как он выглядит.

— Может, и не он, — осторожно заметила математичка, худая женщина с вечно поджатыми губами. — Может, они просто уехали.

— Два человека за месяц? В нашем городе? — биологичка всплеснула руками. — Вы сами-то в это верите?

Виолетта сидела в углу и перелистывала журнал. Разговор долетал до неё обрывками.

Первый пропавший был мужчина сорока трёх лет. Сантехник. Жил один, выпивал по выходным, ни с кем не ссорился. Пропал во вторник — просто не вышел на работу. Когда коллеги забили тревогу и приехали к нему домой, дверь оказалась открыта. В квартире — ни следа борьбы. Только недопитый чай на столе и телефон, оставленный на зарядке.

Второй пропавший был моложе. Тридцать один год. Работал в автосервисе на выезде из города. Жена подала заявление через два дня после исчезновения — думала, запил. Но друзья сказали, что он вообще не пил. Его машину нашли через неделю на лесной дороге. Пустую. Ключи в замке зажигания.

Теперь город ждал третьего.

— Говорят, маньяк, — сказала учительница русского языка, молоденькая практикантка, которая боялась всего на свете. — Настоящий маньяк. Прямо как в кино.

— В кино маньяков ловят, — сухо заметила Виолетта, не отрываясь от журнала.

Разговор на секунду затих. Она подняла глаза. Коллеги

смотрели на неё.

— А в жизни, — продолжила она, переворачивая страницу, — они иногда просто переезжают в другой город.

Никто не нашёлся, что ответить.

Пятый «Б» был шумным даже по меркам пятых классов.

Виолетта вошла в кабинет за минуту до звонка и сразу поняла: сегодня будет тяжело. Дети носились между партами. Кто-то запустил бумажный самолётик, и он, описав дугу, приземлился прямо на учительский стол. На задней парте двое мальчишек спорили о чём-то в полный голос, перебивая друг друга. Девочка с косичками пыталась что-то объяснить соседу, но тот её не слушал.

— Доброе утро, — сказала Виолетта, ставя сумку на стол. Её не услышали.

— Доброе утро, — повторила она громче.

Пять-шесть голосов нестройно ответили. Остальные продолжали заниматься своими делами. Самолётик снова взлетел.

Виолетта поджала губы. Она могла бы накричать. Могла бы хлопнуть дверью. Могла бы поставить весь класс в угол — в пятом классе это ещё работало. Но она не стала. Просто встала у доски и начала говорить — негромко, спокойно, как будто перед ней сидела идеально тихая аудитория.

— Тема сегодняшнего урока — «Тепловое расширение тел». Открывайте тетради.

Никакой реакции.

— Кто знает, почему летом провода провисают, а зимой натягиваются?

Бумажный самолётик врезался в доску рядом с её плечом. Кто-то хихикнул. Кто-то зашикал на хихикнувшего. Общий гул не стихал ни на секунду.

И тут у Виолетты заболела голова.

Это началось внезапно — тупая боль в висках, которая быстро расползлась по всей голове, сдавливая её, как обруч. Перед глазами поплыло. Она моргнула, попыталась сосредоточиться на лицах учеников, но лица расплывались. Шум класса — крики, смех, скрип парт — нарастал, наслаивался сам на себя, превращался в сплошной гул, невыносимый, оглушающий.

Она прижала пальцы к вискам.

«Я помогу тебе», — сказал голос.

Мягкий. Тихий. Почти ласковый. Он прозвучал внутри, но не как мысль — как реальный звук, как будто кто-то стоял за её плечом и шептал в ухо.

«Ты устала. Отдохни. Я всё сделаю сама».

Виолетта хотела возразить. Хотела спросить — кто ты? что ты делаешь? — но голова гудела, и шум класса давил на уши, и она вдруг почувствовала, что куда-то проваливается. Не в обморок. Не в сон. А в странное, ватное состояние, когда ты ещё здесь, но уже не совсем.

Она моргнула.

Что-то изменилось.

Она всё ещё стояла у доски. Всё ещё видела класс. Но теперь она видела его иначе — как будто смотрела кино. Она была зрителем в собственном теле. Тело двигалось, говорило, улыбалось — но она не управляла им. Она только наблюдала.

— Та-ак, — произнесла она — её губы, её голос, но не её интонация, — и протянула это слово дольше, чем нужно, почти пропела. — А ну-ка, тишина в классе.

Это было сказано негромко. Но что-то в голосе заставило детей замереть. Может быть, то, как она улыбнулась — широко, слишком широко, не так, как улыбалась обычно. Может быть, то, как она обвела класс глазами — медленно, внимательно, будто видела каждого насквозь.

Самолётик упал на пол. Никто его не поднял.

— Вот и славно, — сказала она тем же голосом — чуть ниже, чуть мягче, с лёгкой хрипотцой, которой раньше не было. — А теперь открыли тетради. Живо.

Класс открыл тетради. Двадцать семь человек одновременно. Даже мальчишки на задней парте, которые секунду назад орали друг на друга, сидели тихо и смотрели на учительницу круглыми глазами.

— Тема урока, — она повернулась к доске и записала тему — тем же почерком, что и всегда, но движения были чуть более резкими, более порывистыми, — «Тепловое расширение тел». Кто мне скажет, что происходит с телом, когда его

нагревают?

Лес рук.

— Давай ты, с косичками.

Девочка, запинаясь, начала отвечать. Учительница слушала, склонив голову набок, и кивала — но не так, как обычно кивала Виолетта. Виолетта кивала коротко, сухо. Эта кивала плавно, почти танцуя головой.

— Молодец, — сказала она, когда девочка закончила. —
Пять. Садись.

Девочка села, красная от гордости. Учительница прошла между партами — нет, не прошла, а почти проплыла, и её шпильки стучали по линолеуму в другом ритме, более быстром, более лёгком.

— А теперь записываем формулу, — сказала она. — Пишем-пишем, не ленимся. Кто не запишет — будет иметь дело со мной лично. А я бываю очень убедительной.

Она улыбнулась — и это была не учительская улыбка. Слишком много зубов. Слишком много веселья.

Урок прошёл идеально.

Дети сидели тихо, как мыши. Отвечали хором. Записывали всё, что она говорила. Даже те, кто обычно рисовал на партах или кидался ластиками, старательно выводили формулы. Учительница шутила — и класс смеялся. Учительница хвалила — и дети сияли. Она двигалась по кабинету легко, почти танцуя, и в каждом её жесте было что-то неестественно-грациозное.

Когда прозвенел звонок, она захлопнула журнал и сказала:

— Все свободны. И чтоб к следующему уроку выучили параграф. А кто не выучит — будет отвечать перед всем классом. С выражением.

Дети засмеялись — не потому что было смешно, а потому что им хотелось ей понравиться. Они выбежали из класса, толкаясь в дверях, и их гомон растворился в коридоре.

Учительница осталась одна.

Она стояла у окна и смотрела на школьный двор. Потом медленно, очень медленно, провела рукой по лицу. Моргнула.

Виолетта очнулась.

Она стояла у подоконника. Класс был пуст. За окном шёл дождь. Она не помнила вторую половину урока. Вообще. Со всем. Только смутное ощущение, что кто-то другой был на её месте.

— Что это было? — прошептала она.

Никто не ответил. Но где-то глубоко внутри она почувствовала эхо — чужую усталость, чужое удовлетворение. Как будто кто-то хорошо поработал и теперь отдыхал.

В коридоре её ждали.

Марк Соболев стоял у кабинета физики, засунув руки в карманы. Его лицо выражало обычную смесь скуки и лёгкого презрения. Они недолюбливали друг друга с самого начала

— с того первого урока, когда она села на стол и объявила, что оценки будет ставить по симпатии. Марк счёл это позёрством. Виолетта с тех пор не делала ничего, чтобы его переубедить.

— Виолетта Викторовна, — окликнул он, когда она прошла мимо.

Она не остановилась. Даже не замедлила шаг.

— Виолетта Викторовна, — повторил он громче.

Она продолжала идти. Её шпильки отбивали чёткий ритм по линолеуму. Спина прямая. Взгляд — вперёд, в конец коридора, будто там было что-то интересное.

Марк нахмурился. Это было странно. Обычно она реагировала сразу — пусть сухо, пусть с вызовом, но реагировала. А сейчас она просто шла, как будто не слышала его. Как будто имени «Виолетта» для неё не существовало.

Он ускорил шаг, догнал её и встал прямо перед ней, загородив дорогу.

— Виолетта Викторовна.

Она остановилась. Подняла на него глаза — и Марк почувствовал, как что-то внутри у него сжалось.

С ней было что-то не так.

Она смотрела на него — и не узнавала. Нет, не совсем. Узнавала — но как будто видела впервые. Её взгляд скользнул по его лицу — медленно, изучающе: лоб, глаза, губы, подбородок. Так смотрят не на ученика. Так смотрят на интересного незнакомца в баре.

— Марк, — произнесла она, и голос был ниже, чем обычно. Мягче. С лёгкой хрипотцой. — А я тебя и не заметила.

Она улыбнулась — не так, как улыбалась на уроках. Со-
всем не так. Эта улыбка была медленной и какой-то личной,
предназначенной только ему.

Марк почувствовал, что краснеет. Он ненавидел краснеть.

— Я хотел спросить про лабораторную, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Вы сказали, что проверите к среде.

— Проверю, — она чуть склонила голову набок. — Обязательно проверю. Неужели ты думаешь, что я могу тебя подвести?

Она сделала крошечный шаг ближе — настолько крошечный, что это можно было списать на случайность. Но Марк заметил. Заметил, как она смотрит на него — не как на ученика. Как на кого-то ещё.

— А ты интересный, — сказала она задумчиво. — Гораздо интереснее, чем кажешься на первый взгляд.

— Я? — он попытался усмехнуться, но усмешка вышла кривой. — Я обычный.

— Обычные люди не выслеживают учителей после уроков.

— Я не выслеживаю.

— Конечно, нет. — Она улыбнулась снова, на этот раз — уголком губ. — Ты просто случайно оказался в этом коридоре. В это время. Прямо у моего кабинета. Третий раз за

неделю.

Марк открыл рот, но не нашёлся что сказать. Она рассмеялась — тихо, коротко, почти интимно.

— Не пугайся, Марк. Ты мне нравишься. Честно. — Она протянула руку и поправила воротник его рубашки — быстрым, лёгким движением, почти невесомым. — Складка. Неряшливость тебе не к лицу.

Он стоял, не в силах пошевелиться. Её пальцы коснулись его шеи — на секунду, не больше, — но этого хватило.

— До завтра, — сказала она. — И не подглядывай за мной больше. Если захочешь поговорить — просто подойди. Я не кусаюсь.

Она обошла его и пошла дальше по коридору. Её шпильки отбивали всё тот же ритм. Только теперь Марку казалось, что этот ритм звучит по-другому. Более вызывающе. Более... приглашающе.

Он стоял и смотрел ей вслед. В голове билась одна мысль: что это, чёрт возьми, было?

У выхода из школы Виолетта остановилась. Прижала ладонь ко лбу. Память возвращалась рывками, обрывками, как будто кто-то включил свет в тёмной комнате. Она помнила: звонок, конец урока, пустой класс, коридор, Марк. Но воспоминания были чужими. Как будто она смотрела фильм, в котором играла не она.

Флирт. Она флиртовала с ним. Со старшеклассником. Со

своим учеником.

Она закрыла глаза. Сжала переносицу. Голова всё ещё болела, но теперь к боли добавился страх — глухой, тянущий. Что-то происходило с ней. Что-то, чего она не могла объяснить. Что-то, что брало контроль над её телом.

«Всё хорошо», — сказал голос внутри. Тихий. Усталый. Почти нежный.

— Кто ты? — прошептала Виолетта.

«Ты знаешь кто. Ты пока не хочешь знать. Но скоро узнаешь».

Виолетта достала сигарету. Закурила. Руки дрожали.

Дождь кончился, но небо оставалось серым. Где-то в городе две семьи ждали вестей о пропавших мужчинах. Где-то маньяк, о котором говорили все, оставался на свободе. А Виолетта стояла на школьном крыльце, курила «Парламент» и пыталась понять: кто она теперь? И главное — кто ещё живёт внутри неё?

Глава 3

Дом стоял на Рублёвке в сосновом лесу. Сосны были высокими и старыми, они росли здесь задолго до того, как земля стала элитной, и теперь равнодушно смотрели на особняки, которые лепились друг к другу за глухими заборами. Нелли любила эти сосны. Они были единственным, что в её жизни не поддавалось расчёту.

Особняк семьи Максимовых был построен в нулевых — трёхэтажный, с колоннами, которые отец называл «классической», а Нелли про себя — «цыганским барокко». Внутри пахло дорогой кожей и мамиными духами. В гостиной висела люстра из муранского стекла, которую никто не замечал, потому что все привыкли. На стенах — картины, купленные не из любви к искусству, а потому что так было принято. Дом был полон вещей, которые ничего не значили.

Нелли ненавидела этот дом. Но это был единственный дом, который у неё был.

Ей было двадцать семь. Она закончила МФТИ с красным дипломом — физика, прикладная математика, всё, что можно посчитать и измерить. В университете её уважали. Некоторые даже побаивались: красивая дочь чиновника с аналитическим умом, который резал чужие аргументы, как скальпель. Она могла бы пойти в науку. Могла бы остаться в аспирантуре. Могла бы защититься.

Но на четвёртом курсе брат Александр предложил открыть бизнес.

Саша был старше на три года. Они были похожи — те же каштановые волосы, те же карие глаза, та же манера смотреть на собеседника чуть дольше, чем нужно, от чего люди начинали нервничать. Но если Нелли была огнём, то Саша был водой. Спокойный. Терпеливый. Умеющий ждать. Они дополняли друг друга идеально.

Компанию назвали «Максимов и партнёры» — консалтинг в сфере промышленных технологий. Нелли придумала бизнес-модель за две недели. Саша нашёл первых клиентов через отцовские связи. Через год у них было двенадцать сотрудников. Через три — офис в Москва-Сити и контракты с государственными корпорациями.

В офисе Нелли чувствовала себя живой. Там всё подчинялось законам, которые она понимала: прибыль и убыток, риск и доходность, эффективность и потери. В офисе она была Нелли Максимовой — совладелицей компании, стратегом, человеком, который принимает решения.

Но в мире за пределами офиса она была просто дочерью своего отца.

Отец, Виктор Алексеевич Максимов, занимал должность с длинным названием в одном из федеральных министерств. Его лицо появлялось в новостях нечасто, но люди, которые разбирались в политике, знали: Максимов — из тех, кто сидит не в кадре, а за кадром. Телефонный звонок от него решал вопросы, на которые у других уходили месяцы. Он носил костюмы, сшитые на заказ, и улыбался так, что никто не мог понять, доволен он или разочарован.

Он любил дочь. По-своему. Так, как любят дорогую вещь, которая должна стоять на правильной полке.

— Ты красивая, — говорил он ей за ужином. — Умная. Образованная. Ты могла бы быть кем угодно.

И в этой фразе всегда слышалось продолжение: «но ты должна быть женой».

Мать, Елена Сергеевна, была женщиной, которая когда-то подавала надежды. Она закончила консерваторию по классу фортепиано, ей прочили будущее концертирующей пианистки. А потом она вышла замуж за молодого перспективного чиновника, родила двоих детей, и рояль в гостиной стал частью интерьера. Она открывала его раз в месяц — просто чтобы проверить, не расстроился ли.

Когда Нелли было пятнадцать, мать сказала ей: «Ты можешь быть умной. Но не показывай этого мужчинам. Мужчины не любят, когда женщина умнее их».

Нелли запомнила эту фразу. Она ничего не ответила тогда. Но уже тогда знала, что никогда не последует этому совету.

Брат был её единственным союзником. Только с ним она могла говорить открыто — без масок, без придворного этикета, без оглядки на то, что скажут родители.

Их офис находился на сорок втором этаже. Из окон открывался вид на Москву-реку и Воробьёвы горы. Вечерами, когда сотрудники расходились, они оставались вдвоём, заказывали суши и говорили. Не о цифрах. О жизни.

— Отец опять звонил, — сказала Нелли однажды, сидя на подоконнике с бокалом белого. Ей было двадцать пять. Компания только что закрыла лучший квартал в истории.

— И что сказал?

— Сказал, что я слишком много работаю. Что это «не женское дело». Что мне пора замуж.

Саша помолчал.

— А ты что?

— А я сказала, что у меня контракт на два миллиона долларов. И что замуж я пока не хочу.

— Он взбесился?

— Он поставил бокал на стол. Знаешь этот жест? Когда он ставит бокал — это хуже, чем если бы он закричал.

Саша кивнул. Он знал.

— Мать молчала? — спросил он.

— Мать всегда молчит.

Они посидели ещё немного. Москва мерцала за окном тысячами огней. Нелли думала о том, что она построила эту компанию с нуля. Что без неё ничего бы не было — ни стратегии, ни модели, ни ключевых контрактов. Но когда журнал Forbes упомянул «Максимов и партнёры» в списке перспективных компаний, там была фотография Саши. Только Саши. «Александр Максимов, основатель». Её имени не было.

Она не жаловалась. Она знала правила игры. Мир, в котором она жила, был устроен так: мужчина строит карьеру, женщина строит семью. Если женщина пытается строить что-то ещё — мир делает вид, что не замечает.

— Когда-нибудь я уйду, — сказала она тогда.

Саша поднял глаза.

— Куда?

— Не знаю. Просто уйду. Исчезну. Пусть попробуют без меня.

Он тогда засмеялся. Они оба засмеялись. Потому что это казалось шуткой.

Через два года это перестало быть шуткой.

Жениха выбрал отец.

Это случилось в августе 2015 года, за месяц до начала учебного года. Нелли помнила тот вечер в деталях — память зачем-то сохранила всё, вплоть до запаха соуса к утке и того, как мать поправила салфетку на коленях.

Ужин был парадным. В гостиной накрыли стол на четыре персоны. Четвёртым был Игорь — мужчина тридцати двух лет, сын партнёра отца по какому-то давнему проекту. Он был высок, хорошо одет, с приятным лицом и манерами человека, который привык, что мир идёт ему навстречу. Он говорил о политике, о бизнесе, о том, что собирается баллотироваться в Думу. Он смотрел на Нелли так, как смотрят на выгодное приобретение — с интересом, но без страсти.

Нелли отвечала вежливо. Мать улыбалась. Отец был доволен.

Когда Игорь ушёл, отец поставил бокал на стол — не громко, но так, что мать замолчала на полуслове.

— Мы всё решили, — сказал он. — Кандидатура утверждена. К зиме сыграем свадьбу.

Кандидатура. Слово, которым нанимают на работу.

— Я не выйду за него, — сказала Нелли.

Отец поднял бровь.

— Почему?

— Потому что я его не люблю. Потому что я его не знаю.

Потому что у меня есть компания, которой нужно управлять, а не свадьбы планировать.

— Компанией управляет твой брат, — сказал отец спокойно. — А ты там помогаешь. Это разные вещи.

Нелли почувствовала, как внутри поднимается холод.

— Я не помогаю. Я управляю. Мы управляем вместе. Без меня не было бы этой компании.

— Без тебя, — сказал отец, — эта компания существовала бы под другим названием. А без семьи ты — никто.

Она повернулась к брату. Саша сидел, опустив глаза. Его вилка лежала на столе, и он не притрагивался к еде. На скалах ходили желваки. Но он молчал.

— Саша, — позвала она. — Скажи ему.

Молчание.

— Саша!

— Не кричи, — сказал отец. — Твой брат понимает то, чего ты пока не понимаешь. Этот брак нужен не только тебе. Он нужен семье. У Игоря связи, перспективы, его отец может помочь нам в одном важном деле. Ты выйдешь за него. Это не обсуждается.

Нелли встала. Салфетка упала на пол. Никто не поднял.

— Ты не можешь решать за меня.

— Я твой отец. Я могу.

— Это не средневековье. Я взрослый человек. У меня есть права.

Отец впервые за вечер посмотрел ей прямо в глаза.

— У тебя есть права, которые дал тебе я. Не забывай об этом.

Она вышла из-за стола. Прошла мимо матери — та сидела неподвижно, с идеальной укладкой и пустым лицом, как фарфоровая кукла. Прошла мимо брата — он не поднял глаз. Поднялась в свою комнату и закрыла дверь.

Села на кровать. Посмотрела на свои руки. Они не дрожали.

Она думала: «Я построила бизнес с нуля. Я принимаю решения, от которых зависят миллионы. Я умнее его, сильнее его, быстрее его. Но для него я — просто дочь, которую нужно выдать замуж».

Она встала. Подошла к окну. За окном темнели сосны. Те самые сосны, которые были здесь до того, как появились особняки, до того, как появились чиновники с их расчётами, до того, как появилась она сама.

И впервые в жизни ей пришла в голову мысль: «Я могу исчезнуть».

Не в переносном смысле. Не «уйти в другую комнату». А исчезнуть по-настоящему. Перестать быть Нелли Максимовой. Стать кем-то другим.

Она села за ноутбук. Открыла карты. Начала искать.

Подготовка заняла две недели.

Она действовала методично, как всегда. Разделила задачу на этапы. Первый — найти место. Она выбрала город N в трёх часах езды от Москвы. Достаточно далеко, чтобы не встретить знакомых. Достаточно близко, чтобы добраться за ночь.

Второй — документы. Она нашла человека через старые связи — ещё по студенчеству. Он сделал паспорт. Дорого. Качественно. Имя она выбрала сама: Романова Виолетта Викторовна. Имя, которое звучало как музыка. Имя, за которым можно спрятаться.

Третий — деньги. Она сняла всё, что могла, с личного счёта. Не тронула счета компании — только свои. Зарплату за несколько лет, премии, сбережения. Наличные из домашнего сейфа — те, что отец хранил на чёрный день. Она знала код. Она не считала это воровством. Это была компенсация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.